

Г.Ю. ЛЮБАРСКИЙ

История Зоологического музея МГУ

Идеи, люди, структуры

ЗООЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ МГУ

Г. Ю. Любарский

История Зоологического музея МГУ

Идеи, люди, структуры

Товарищество научных изданий КМК

Москва ❖ 2009

УДК 57(06)
ББК 28.6лбг
Л93

Г.Ю. Любарский. **История Зоологического музея МГУ: Идеи, люди, структуры.** Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2009. 744 с., библиография 1636 назв., 336 илл., 1 схема.

Книга посвящена проблемам истории науки. История развития зоологии в России рассмотрена через возникновение и развитие одного из центральных хранилищ зоологических коллекций — Зоологического музея МГУ. В первой части книги приведена история музея как научной организации и обсуждаются сопутствующие проблемы становления организационных форм в науке. Во второй части читателю предложен историко-критический анализ развития широкого круга зоологических наук — как аспектных (систематика, эволюционная теория, сравнительная анатомия, зоогеография и др.), так и предметных (орнитология, териология, энтомология и т.д.) — в хронологических рамках с конца XVIII по последнюю треть XX века. В первой части представлена история организации, во второй — история научных идей, а третья часть книги посвящена истории людей: здесь собраны очерки о людях, связанных с Зоологическим музеем МГУ — несколько сотен персоналий, кратких биографий сотрудников музея и лиц, тесно связанных с музеем — дарителей коллекций и учёных, долгое время работавших в музее. Книга адресована как специалистам-биологам и историкам науки, так и широкому кругу читателей, заинтересованным наукой, её историей.

Редакционная коллегия:

А.В. Маталин, К.Г. Михайлов (отв. редактор), А.В. Свиридов

Обложка: Здание Зоологического музея МГУ, 1970-е гг. Архив Зоомузея МГУ.

Передний форзац: Верхний зал Зоологического музея МГУ, 1937 г. Архив Зоомузея МГУ.

Задний форзац: фрагмент Нижнего зала Зоологического музея МГУ, конец 1920-х гг. Архив Зоомузея МГУ.

От издателя

Предлагаемая читателю книга — результат многолетнего труда автора и, по сути, всего коллектива Зоологического музея МГУ. Первоначально проект был запущен в 2001–2002 гг., в результате появился исходный текст, который потом подвергался неоднократному редактированию. Отношение к рукописи менялось и в самом музее — от положительного к отрицательному и потом обратно. К сожалению — отчасти и по моей вине — вёрстка и подготовка к печати книги затянулась на несколько лет. Несколько редакторов и верстальщиков не справились со своей работой, и в результате я сам в редкие минуты досуга вычитывал текст книги и делал финальную вёрстку. Пришлось поработать и над списком литературы, и над алфавитным указателем. Ещё два года занял поиск средств на издание — и теперь я могу с гордостью сказать: да, спасибо РФФИ, деньги нашлись.

Директор Зоологического музея МГУ О.Л. Россомо на определённых этапах оказала большую поддержку в подготовке этого издания.

Хочу выразить свою благодарность целому ряду лиц, которые помогали в работе над книгой уже не автору, а лично мне. Это в первую очередь А.В. Смирнов (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург), В.А. Спиридонов (Институт океанологии РАН, Москва), В.С. Шишкин (Институт проблем экологии и эволюции РАН, Москва), А.К. Сытин (Ботанический институт РАН, Санкт-Петербург), а также неисчислимое множество коллег, друзей, знакомых и родственников,

которые консультировали меня по отдельным вопросам. Следует подчеркнуть особый вклад А.В. Свиридова (Зоомузей МГУ, Москва), который, помимо прочтения всего текста книги и написания раздела про библиотеку музея, составил подробный указатель имён, который имеет совершенно самостоятельную ценность благодаря расшифровке множества инициалов.

К сожалению, из-за длительной работы над книгой многие разделы не удалось «дотянуть» до уровня 2009-го года. Но мы постарались сделать всё возможное, чтобы максимально улучшить качество книги.

Предвижу многочисленные замечания со стороны профессиональных историков науки. Конечно, такой гигантский труд невозможен без мелких ошибок и опечаток. Автор — не историк науки по своей профессии — принципиально отказался от работы с архивами, опираясь только на публикации. Но я не могу представить себе ни одного специалиста по истории науки, который смог бы за сравнительно короткий срок охватить и творчески переработать такой объём информации. Так что пусть узкие специалисты занимаются своими узкоспециальными вопросами, а те, кто умеет делать обобщения — творят труды подобный этому. Время расставит всё по своим местам.

Я же могу только позавидовать читателю, раскрывающему эту книгу впервые.

Кирилл Михайлов

Предисловие

История реальная отличается от истории писаной тем, что в ней нет сюжета; ничто не начинается с начала и не заканчивается без многозначительных последствий, так что из одной истории выплетается другая. Или, может быть, лучше сказать иначе — реальная история несёт в себе бесконечное количество взаимосвязанных сюжетов. И потому любой выбор темы, любое ограничение является в отношении реальной истории искусственным.

Однако написать о развитии зоологии — совершенно невозможно. Давно миновали времена, когда существовала такая наука — биология; теперь это комплекс из многих сотен наук, каждая из которых, в свою очередь, распадается на подходы, направления, проблемы. И зоология давно не одна из наук, а комплекс зоологических дисциплин, рассмотреть который в его целостности крайне трудно. Поэтому выход здесь один — ограничивать и ещё раз ограничивать материал, чтобы он хоть в какой-то степени стал подъёмным и человекообразным.

И вот — серия сокращений: развитие не всей зоологии, а только зоологии в России, и только московской школы зоологии, и только той её части, которая связана с Московским университетом, точнее — с Зоологическим музеем Московского университета. Почти точка — но и она необъятна.

Историю Зоологического музея можно отобразить во множестве реальных её аспектов. Например, описать Зоомузей как московский культурный центр, которым музей являлся в некоторые эпохи своей истории (просветительский центр при Рулье и Богданове; круг поэтов и художников в 1930-е гг.). Или можно выделить аспект взаимосвязи музея с другими научными организациями сходного профиля и говорить об обмене материалами, о полученных определениях, о взаимодействиях специалистов. Или история коллекций — от подготовки экспедиций и сбора материала до оформления коллекции, запутанных историй смены её владельцев, утери, кражи, покупки, дарения... Всё это будут разные истории, и все они будут историями Зоомузея.

Таких частных, аспектных историй — великое множество, и следует выбрать немногие из них. В данной книге представлено — с разной степенью полноты — три аспекта истории музея. В первой части книги рассказывается об организационной истории. Научная организация имеет собственную индивидуальность, хоть и менее целостную, чем индивидуальность отдельного человека, но зато потенциально бессмертную. Меньшая целостность организации проявляется в том, что она может делиться на части или принимать в свой состав иные организации. Так и музей — в его состав входили всё новые организации и отделы, от него отделялись коллективы и целые организации, переходившие в состав Университета или иных научных учреждений, в связи с деятельностью сотрудников музея создавались иные музеи, волные научные общества, комиссии, комитеты... Иные очень быстро становились независимыми и совсем самостоятельными, иные оказывались лишь формальной вывеской для какой-то комнатки Зоомузея, где сидело

два сотрудника, к которым по вечерам сходились гости. Музей изменял свое положение в системе научных организаций — иногда был главным центром зоологии в Москве, иногда специализировался только на изучении беспозвоночных животных, или исчезал почти совсем, чтобы потом предстать в новом облике центра таксономической зоологии.

Вторая часть книги посвящена развитию зоологических наук в России, насколько это развитие было связано с музеем. Здесь речь идёт не об организации, а о науке. И потому иной раз большие разделы посвящены лицам, едва оставившим свой след в организационном строительстве, а крупные организаторы оказываются иной раз не очень заметными учёными. В ряде глав описывается развитие морфологии, систематики, филогенетики, а также предметных дисциплин — орнитологии, териологии, энтомологии и т.д. Понятно, что здесь на каждом шагу встречались вопросы, говорить о которых компетентно может лишь специалист. Но время “просто зоологов” миновало, у всех есть приставка, обозначающая род его специализации. Обобщающих трудов по “всей зоологии” почти не существует, а имеющиеся выпущены большими коллективами авторов. В результате я решил дать обзор зоологических наук, ориентируясь на личное впечатление: мне казалось, что лучше описать ситуацию с единой точки зрения — с неизбежными сопутствующими искажениями — чем давать компиляцию общих разделов всем известным учебников. Однако за всё надо платить: ограниченность знаний не позволила мне коснуться многих интересных вопросов, а собственные трактовки, вероятно, вызовут недоумение или даже раздражение у профессионалов.

Итак, в первой части представлена история организации, во второй — история научных идей, а третья часть книги посвящена истории людей. В ней собраны персоналии, краткие биографии сотрудников музея и лиц, тесно связанных с музеем — дарителей коллекций, учёных, долгое время работавших в музее. Я старался представить факты по возможности проверенные и интересные. Однако каждый, работавший с биографиями, представляет, какой это громадный и нескончаемый труд. Список, конечно, не полон, выявлены, возможно, даже не все сотрудники музея, не говоря уже о различных образцах связанных с музеем лиц. И все же, надеюсь, представленные персоналии помогут увидеть портрет музея в ту или иную эпоху — просветительского пыла конца XIX века, фантастической жизни 1920-х гг., бесконечных миграций и переездов 1930–50-х...

Необходимо очертить те рамки, которыми ограничена эта книга — с тем, чтобы читателю легче было представить, что здесь можно найти, а что — искать бесполезно. Прежде всего надо сказать, что я совершенно недостаточно работал с архивными материалами: эта книга была сделана за два года, и я ещё до начала работы отчётливо представлял, что просто не успею всерьёз заняться архивами. Пришлось ограничиться только теми материалами, которые хранятся непосредственно в Зоомузее и в архиве МГУ.

В книге сделана попытка дать набросок развития московской зоологической школы. Эта история развития изложена, по понятным причинам, с точки зрения музея: преимущественное внимание уделено тем лицам, которые работали в музее или были с ним связаны своими трудами. Но даже с этими ограничениями материал оказался совершенно необъятным, и многие аспекты истории зоологии в связи с Зоомузеем изложены лишь схематически, скороговоркой.

Благодарности

Я очень благодарен многим людям, которые помогли мне при создании этой книги. Андрей Валентинович Свиридов тщательно отредактировал эту книгу, составил алфавитный указатель имён, и оставшиеся неточности следует отнести на мой счёт. Помимо этого, он написал для книги раздел “Научная библиотека” и взял на себя труд дополнить многие персоналии. Кирилл Глебович Михайлов провёл дополнительное редактирование, истребляя оставшиеся неточности. Кирилл Глебович охотно делился сведениями о фактах биографии тех или иных лиц, связанных с историей музея, а также много помог с литературой. Указания на архивные источники за 1920–50-е гг. приводятся по: Михайлов, 2002. Елена Борисовна Федосеева написала раздел о Г.М. Длусском (часть 2, глава 6) и помогла в поисках фотографий в архиве музея. Михаил Владимирович Калякин взял на себя нелёгкую обязанность координировать усилия по сбору литературы и обсуждению книги. Валентина Фёдоровна Орлова и Евгений Анатольевич Дунаев внесли много дополнений в тексты персоналий, посвященные

герпетологам. Екатерина Денисовна Васильева предоставила сведения об ихтиологах, связанных с музеем. Отдельные части книги прочли и высказали свои критические замечания Екатерина Денисовна Васильева, Ольга Викторовна Волцит, Евгений Анатольевич Дунаев, Дмитрий Люмбергович Иванов, Михаил Владимирович Калякин, Евгений Александрович Коблик, Валентина Фёдоровна Орлова, Игорь Яковлевич Павлинов, Ольга Леонидовна Россолимо, Андрей Валентинович Свиридов, Елена Борисовна Федосеева. Ярослав Андреевич Редькин разыскивал литературные источники по истории орнитологии. Александр Владимирович Сысоев и Михаил Анатольевич Кирюшкин обработали многочисленные фотографии из архива Зоомузея. Библиотекари Зоомузея — Татьяна Михайловна Алхимова, Наталья Михайловна Комарова, Марина Михайловна Арефьева и Алексей Алексеевич Карягин — помогли мне при поиске литературы и проверке библиографии.

Благодарю директора Зоологического музея МГУ Ольгу Леонидовну Россолимо за идею взяться за эту книгу. То, как идея реализована — на моей совести.

Я чрезвычайно признателен Александру Сергеевичу Раутиану, который при чрезвычайной загруженности работой щедро делился своим временем и много беседовал со мной по различным вопросам истории зоологии. Многие идеи, высказанные в книге, возникли благодаря этим беседам. Однако текста он не читал — так что любые неприятные ассоциации и недовольства, которые могут возникнуть по ходу чтения, должны быть адресованы только мне.

Георгий Любарский

Часть I

История Зоологического музея Московского университета как научной организации на фоне истории России и развития московской зоологии

Для тех, кто стремится к войне или прочим подвигам, изложение сходных исторических событий принесёт известную пользу, поскольку укажет им, к чему приводила их предшественников такая борьба

Прокопий Кесарийский, "Война с персами"

Известно утверждение логика и политолога Александра Зиновьева, что для социологического исследования вовсе не надо тратить огромные средства на сбор статистических данных, анализ ситуации в стране (политической, экономической и т.д.) — достаточно изучить функционирование одной-единственной организации. Самая обычная организация — институт, столовая, фирма, спортклуб, завод — является элементарной ячейкой общества, и в ней, как в капле, отражаются все общественные процессы. Подробное и вдумчивое описание истории одной организации заменяет многие тома статистических выкладок и рисует точный образ общества.

На самом деле "история одного музея" всё же не заменяет "всей социологии", как "История города Глупова" не заменяет истории России. И всё же любая организация "выбалтывает" тайны общества, кирпичиком которого она является. Лучше, однако, чтобы организация была не слишком уж мимолетной, тогда на её примере можно изучать большой период жизни общества и ознакомиться с тем, как незаметно, но с огромной скоростью происходит изменение людей, общественных отношений, культуры, правил поведения. То, что называют здравым смыслом, те правила, которые разумеются "сами собой", на самом деле чрезвычайно эфемерны и меняются чуть не с каждым поколением. Эти изменения можно проследить при изучении истории Зоомузея, поскольку его, учитывая более чем двухвековую историю, назвать "мимолетным" никак нельзя.

История московской зоологии огромна и необозрима, и "объект" исследования прирастает с каждым годом. Чтобы хоть как-то ограничить объём исследования и уместить его в какие-то рамки, надо было выбрать организацию, на примере которой можно было бы рассмотреть московскую зоологическую школу. Наиболее мощные зоологические организации современности — академические институты — не подходят, поскольку созданы только в советское время. Можно было бы выбрать в качестве модельной организации одно из старейших российских вольных научных обществ — Московское общество испытателей природы — но его судьба, начиная с послереволюционных времен, становится чересчур узкой, чтобы через такую организацию было удобно рассматривать московскую зоологию. Биологический факультет был создан в 1930-е годы, хотя ему предшествовала долгая история кафедры зоологии. У каждого "претендента" есть свои плюсы и минусы. И Зоомузей, конечно, "не идеален": чем ближе к современности, тем больше расходятся объёмы того, что можно считать связанным с Зоомузеем, и московской зоологической школой в целом. Но

некогда было время, когда это было почти одно и то же, московская зоологическая школа родилась в Зоомузее и выросла из него — и потому историю этой зоологической школы удобнее изучать из "фокальной точки" Зоомузея — помня, разумеется, о том, что искажения нарастают по мере приближения к современности.

Чтобы легче было ориентироваться в дальнейшем изложении, сразу приведу общую схему периодизации истории музея. Сначала рассматривается история музейных коллекций от основания Университета и до прихода в музей Фишера фон Вальдгейма, то есть музей XVIII века. В это время происходило постепенное вычленение зоологии из комплекса естественнонаучных дисциплин. На этом этапе выделяется два периода — до официального основания Кабинета натуральной истории и после. Следующий этап — формирование музея до построения первой русской зоологической школы, то есть до конца деятельности К.Ф. Рулье. Этот этап естественно подразделяется на периоды, связанные соответственно с деятельностью Фишера и Рулье. Далее в отдельный этап выделяется деятельность А.П. Богданова и его учеников. Этап начинается в середине XIX века и заканчивается значительными перестройками всей системы образования в целом и структуры музея в частности в 1930-х гг. Первый период этого этапа — деятельность Богданова, занимающая, по сути, всю вторую половину XIX века (до переезда музея в новое здание на Большой Никитской). Затем до революции выделяются периоды, связанные с М.А. Мензбиром, А.Н. Северцовым, и послереволюционный период. Четвёртый этап — с 1931 по 1970 гг., он разделяется на три периода — с 1931 г., когда произошла реформа Университета, и до войны; с 1941 г. и до переезда Университета в новое здание на Ленинских горах в 1953 г., когда произошло отделение музея от Биологического факультета МГУ; с 1953 по 1970 г. Последний, пятый этап — с 1970 г. по настоящее время. С 1970-х гг. началось более устойчивое развитие музея, расширение штатов и стабилизация его места в научном сообществе. Последний этап развития музея связан с деятельностью О.Л. Россолимо.

Изложение истории Зоомузея разбито на несколько глав, но нумерация этапов дана сплошная.

Помимо этого, надо отметить, что в тексте следующих глав встречаются два вида отсылок к литературе. Те источники, которые вошли в список литературы в конце книги, приводятся в круглых скобках, а ссылки на источники, не входящие в список литературы, даются в косых скобках /.../.

Глава 1. Музей XVIII века: энциклопедическая наука великолепных любителей (1755–1804)

Я желал бы, чтобы моё произведение, очищенное разумом от сказочного вымысла, приняло характер истории; но там, где вымысел упорно борется со здравым смыслом, не хочет слиться с истиной, я рассчитываю на снисходительность читателей, которые не отнесутся сурово к преданиям далекой старины...

Плутарх, “Избранные жизнеописания”

Прежде чем переходить к истории музея, надо представить себе, в какой научной и общественной атмосфере происходило его становление. Если мы обратимся к XVIII веку, мы застанем совсем другой мир, нежели тот, который нам привычен. В то время США были английской колонией, великое будущее которой никто не мог предвидеть. А Китай достиг величайшего благосостояния, вызывая восхищение западных миссионеров. В их отчетах Китай почитается страной, равной любой, самой развитой из западных стран. Однако на рубеже XVIII–XIX веков в Китайской империи произошел сильнейший кризис: внутренние мятежи, внешние войны следовали друг за другом, страна нищала и разрушалась. В XIX веке, который стал для Запада триумфальным, — прогресс науки, повышение уровня жизни, создание массового общества, — для Китая наступил век упадка и унижения. XVIII век застает ещё в силе и славе могущественнейшую державу предыдущих веков — Турцию, которая соперничала с Габсбургами и заставляла трепетать страны Европы. В XIX веке слава Турции убывает со скоростью чрезвычайной. Она очень быстро становится слабейшей страной, судьбу которой разыгрывают европейские политики. Сильнейшей державой мира в XVIII веке была Великобритания, следом за ней стояли Испания и Португалия, сильные своими колониями, в континентальной Европе первую скрипку играла Франция. Россия только показалась на европейском горизонте благодаря деяниям Петра, но активность России была направлена на восток и на юг. Европа в то время была “больше”, играла в мире, пожалуй, несколько бульшую роль, чем сейчас — или ей самой так казалось. Стран в Европе было несколько больше, чем сейчас, но потом, в XIX веке, их число сильно уменьшилось и стало менее 20 против 44 сегодня.

В восемнадцатом веке продолжалась эпоха географических открытий. Начали её в XV веке португальцы, но к XVIII веку ещё не были исследованы внутренние просторы Азии и её северное побережье, внутренние районы Африки и Южной Америки. XVIII век застал Землю ещё полной белых пятен. В 1732 г. Иван Федоров открыл Америку с азиатской стороны, то есть обнаружил пролив, который потом будет назван проливом Беринга: Федоров увидел оба берега. В 1730–1740-х гг. исследованы северные берега Сибири и установлено, что Сибирь омывается морем. В результате экспедиции Беринга (1737–1741) были открыты пролив Беринга, Алеутские острова, произведена съёмка берегов Охотского моря, Камчатки, Курил. В конце XVIII века началась русская колонизация

Америки. В 1798 г. купец Шелехов основал Русско-Американскую компанию, в 1804 г. на Ситке был основан Новоархангельск, к этому времени в Америке насчитывалось 13 русских поселений. В 1812 г. в бухте Сан-Франциско основана колония Росс. Открытия продолжались до конца XIX века, когда в 1878–1879 гг. Норденшельд доказал возможность плавания северными берегами Сибири. Что же до Центральной Азии, загадочного Тянь-Шаня, то исследование внутренней области Евразии напрямую связано с историей Зоомузея, и мы ещё вернемся к описанию этой истории.

В 1764 г., как раз тогда, когда начал складываться Московский университет, крепостное право распространяется на Украину. В 1765 г. принят закон, по которому помещики могут отправлять крестьян на продажу без суда и следствия. В 1768–1774 гг. идёт война с Турцией. В 1773–1774 гг. — крестьянская война, по России ходит Емельян Пугачев. С 1725 по 1762 гг. в России — эпоха дворцовых переворотов, за эти годы сменилось пять самодержцев. Во второй половине XVIII века в России начинается подъём промышленности и торговли, растёт городское население, которое за этот век увеличилось в четыре раза. Это эпоха русского Просвещения (просвещенный абсолютизм Екатерины). Продолжается территориальный рост: за XVIII век Россия увеличилась чуть не на треть, в неё включены многие территории на востоке и юге.

В 1785 г. произошло знаменательное событие — хартия Екатерины II, дарующая дворянству льготы и отменяющая обязательность дворянской службы. При всей лестности этого документа для дворянства хартия эта обозначала факт для него негативный: дворянство больше не необходимо империи, начинается разложение этого класса общества. Империя почувствовала свою силу и могла теперь держаться без непрерывной опоры на воинскую доблесть дворянства. К этому времени окончательно сформировалась регулярная армия, возник государственный аппарат управления. И с этого времени начинается постепенное, очень медленное и затруднённое, вытеснение дворянства со значимых постов. Высвободившиеся силы дворянства находят всё большее приложение в культуре, создают образцы культурной деятельности, которые потом будут воспроизводиться новой разночинной культурой.

XVIII век в России — удивительное время; Московская Русь в начале этого столетия погибла от руки Петра, а Петербургская империя ещё только становилась на ноги, её оформление — дело XIX

века. Достаточно сказать, что во второй половине XVIII века в России при Екатерине появились во множестве типографии — это до России докатилась революция Гутенберга, тот ряд событий, который в Европе прошел ещё в XV веке. Россия только начинает узнавать, из чего она состоит, в ней только-только появляются светские книги — действительно, это время было совсем иным, и жили в нем совсем иные люди, нежели сегодня.

Что говорить о политической жизни и жизни технических открытий, когда в начале-середине XVIII века русский язык ещё не образовался, ещё не было единого общенационального русского языка. Была русская простонародная речь и славянский язык, язык культуры и церкви. Генрих Лудольф, автор “Русской грамматики” /Оксфорд, 1696/, писал: “Для русских знание славянского языка необходимо, так как не только священное писание и богослужебные книги у них существуют на славянском языке, но не пользуясь им, нельзя ни писать, ни рассуждать по вопросам науки и образования... Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски” (цит. по: Виноградов, 1978). В это время в русский язык проникают латинские и греческие заимствования, а сам он представляет собой сложную систему народных говоров, проникнутую славянским языком в качестве “языка культуры”. Образуются такие кальки с латыни, как *искусство, обязательство, договор, страсть, отрицательный, эксперимент*. Это слова XVIII века, ранее их не было в русском языке. В то же время из языков Западной Европы “петровским ветром” заносит слова: *ранг, штраф, ордер, полицмейстер, арестовать, конфисковать, пароль*. Язык науки сдвигается к центру языка, перестаёт быть периферийным явлением, языком “культурной прослойки”, его выражения становятся общеупотребительными.

Эту гремучую смесь заимствованного языка науки и государственных реалий с народными говорами и древними славянизмами преобразовал в единый язык М.В. Ломоносов. Ломоносов в той же степени творец Университета, что и творец языка. Он нашёл решение, которое позволило совместить всё многообразные слои языка и упорядочить их употребление. В самой грубой форме, не вдаваясь в детали, это можно охарактеризовать, указав на его теорию трёх стилей. Торжественные славянизмы древнего языка культуры и богослужения — славянского — он определил в высший стиль, в простой стиль попал живой русский язык, простонародный и наполненный диалектизмами, в средний стиль вошли на равных правах слова высшего и низшего стиля. Ломоносов не закрыл дорогу и заимствованным словам, без которых науке нечем говорить. Он сам ввёл множество научных терминов, удачно их русифицировал.

История языка имеет прямое отношение к истории музея и русской зоологии. В начале истории Университета мы сталкиваемся с тем временем, когда языка русского ещё не существовало — в том смысле, как мы понимаем его теперь. В разногласии истории, готовый двинуться сразу десятком дорог, Ломоносов избрал один путь. В то время стояла задача выработки русского научного языка, в частности — зоологического. Ломоносов ввёл в русский язык слова “каче-

ство” и “количество”. Оба слова имеют забавную судьбу: будущее “качество” было неологизмом в “Теэтете” Платона, оттуда вошло в обиходный греческий, перекочевало в латинский как *qualitas* и уже из латыни попало в многие новые языки, добравшись через Ломоносова до русского. “Количество” же придумал Аристотель для “Метафизики”, в латынь это слово вошло как калька — *quantitas*, откуда Ломоносов сделал кальку для русского — “количество” (Виноградов, 1934; Рабинович, 2000).

Именно благодаря Ломоносову появились первые черты того, что можно назвать “научным языком” среди прочих жанров русского языка. Он слил русский и церковнославянский, определил возможное число заимствований из того или иного пласта лексики для нужд того или иного жанра, указал наиболее удачные способы калькирования терминов, обращения с иностранными заимствованиями и проч. Начиная с Ломоносова появилась серьёзная возможность говорить на биологические темы по-русски — но пока только возможность, до её осуществления в полном объёме надо было ждать ещё не менее ста лет.

Преподавание зоологии в Московском университете в то время решало именно эти задачи, — задачи скорее языковые, чем собственно естественнонаучные. А.Н. Формозов так описал это время: “Эпоха профессоров зоологии, пришедших к последней от медицины, почти не занимавшихся исследованиями и читавших лекции по материалам, заимствованным из иностранных источников (Афонин 1770–1777, Сибирский 1777–1784, Курика 1784–1785, Политковский 1783–1788, Антонский 1788–1804)” (Формозов, 1940, с. 77). Действительно, в 1783 г. профессор натуральной истории Ф. Политковский читал свой курс, а в 1784 г. начал читать курс натуральной истории профессор Курика. Тогда было принято, чтобы на кафедре имелся один профессор, и вдруг читают оба. Причём они — почти сверстники, в одно время закончили Московский университет, и оба были за границей после окончания университета. Причина такого нарушения традиций проста: один читал курс для знающих латинский язык, а другой — для прочих и для посторонних, буде те заглянут на лекцию, должен был читать на русском.

Итак, в конце XVIII века, когда начинается история Зоомузея, зоология только училась говорить по-русски.

Этап 1. Доистория Зоомузея: германский университет

1755–1791 гг. От образования Университета до создания Кабинета натуральной истории

Собственно, начало истории Зоомузея найти сложно — как и всякое начало. За “точку отсчёта” принимают обыкновенно 1791 год, когда официально был основан Кабинет натуральной истории (профессором натуральной истории А.А. Антонским). Согласно этой дате Зоомузей — старейший музей в системе МГУ. Но официальным указом объявить об основании — это одно, а собрать музей — совсем другое.

Откуда вообще взялась мысль, что в Московском университете должен быть Зоологический музей?

Первые российские университеты. Выяснение этого вопроса удобно начать с 1755 г. Как записано в Уставе МГУ (1998), “Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова основан 25 января (12 января по старому стилю) 1755 г. Указом императрицы Елизаветы Петровны”. Подробнее этот факт описан у Снегирева в его работе “Действия Московского университета в первом периоде его существования”: “Побуждаемая многими важными причинами, кои изложены в Указе её 1755 г. высокая покровительница наук Елизавета Петровна положила навсегда основание Московскому университету, коего изобретателем ей самой было угодно признать Шувалова. И действительно он был виновником начатия и совершения сего дела для распространения просвещения между всеми сословиями народа. Императрица поручила ему полное распоряжение, его и Лаврентия Блументроста, лейб-медика Петра Великого и сочинителя Устава Академии наук, которая ещё в царствование Екатерины I получила начало, наименовала кураторами. Хотя благоразумный, великодушный и скромный Шувалов пользовался особенным расположением императрицы и мог бы распоряжаться всем по собственному усмотрению; однако он избрал себе руководителями тех, к коим наиболее имел доверенности. Кроме товарища своего, он употребил по сему делу особенно двух учнейших мужей: Ломоносова, сего всеобъемлющего гения, и Иоганна Мюллера, государственного историографа” (Слово о Московском университете. 1996, с. 45). Располагался Университет рядом с Кремлём, в здании, которое находилось на месте Исторического музея.

Итак, у основания Университета стоят четыре фигуры: И.И. Шувалов (1727–1797), Л. Блументрост, М.В. Ломоносов (1711–1765) и Г.Ф. Мюллер (1705–1783). Михаил Васильевич Ломоносов в представлениях не нуждается. О Блументросте сказано выше; Герард Мюллер знаменит тем, что написал “Историю Сибири”, будучи участником Камчатской экспедиции Беринга. Он же — автор знаменитой “норманнской теории” возникновения русского государства.

Университет был основан в Российской империи очень давно — к моменту его созидания со времени основания Петербурга прошло всего-то полвека (Санкт-Петербург основан в 1703 г.). Сама наука возникла всего веком ранее — в 1665 г. появились два первых научных журнала, “Журналь де саван” во Франции и “Философские записки” в Англии. В конце XVII — начале XVIII веков только начиналась история Российской империи (по крайней мере — петербургского её периода), и потребных ей “Платонов и Невтонов” империя добывала за границей — или посылала туда образовываться собственных уроженцев. Так, Ломоносов учился в Марбургском университете в 1736–1739 гг. Ясно, что имевшийся у него опыт наблюдений германского университета сильно сказался на его детище — университете Московском. Однако долго следовать за развитием Московского университета Ломоносову не удалось — он скончался в 1765 г., и оберегать Университет остался граф Шувалов, который 42 года был его бессменным куратором.

И.И. Шувалов был фаворитом Елизаветы Петровны и немало способствовал просвещению российскому; так, кроме Московского университета он основал также Академию художеств (1757), которая до переезда в Петербург в 1764 г. состояла при Московском университете. Его знаменитый двоюродный брат, граф П.И. Шувалов, во всех

Л. Блументрост.

курсах русской истории упоминается как важный хозяйственный устроитель России, ибо среди прочих мер по управлению вечно неустроенными финансами империи он принял одну совершенно замечательную: упразднил внутренние таможенные рогатки и облегчил общий налоговый гнёт — с выгодой для казны, разумеется. Эту вполне понятную меру придумать было легко — вся Европа проходила через процесс дефеодализации, но вот осуществить такую меру — отнять у множества именитых людей право взимать пошлину при пересечении их владений, — было трудно. Однако граф Шувалов с этим справился. Кроме того, Пётр Иванович преобразовал русскую артиллерию, вооружив её гаубицами и единорогами, и обеспечил тем победы русского оружия в войне с Фридрихом II. Однако, может быть, действия Ивана Ивановича Шувалова были для истории российской даже более значимыми, поскольку просвещение народа, создание Московского университета и Академии художеств — дела поважнее финансовых и таможенных реформ. И.И. Шувалов пытался направить развитие России по пути, указанному Монтескье, и боролся за просвещение страны. Академии художеств он подарил коллекцию картин, а Университету — свою библиотеку, которая и стала основой современной библиотеки Московского университета.

Шувалов отстоял проект университета в Москве. Были несогласные — зачем в Москве, когда надо развивать разваливающийся столичный, Санкт-Петербургский университет? Однако Шувалов основал Университет в Москве и добился его автономии: Университет подчинялся только Правительствующему Сенату и более ни от каких иных государственных структур “повеления принимать не был обязан”. Шувалов отстоял приём в Университет “разночинцев, по примеру европейских университетов, где всякого звания люди свободно наукою пользуются” (“Слово об Иване Ивановиче Шувалове”, Садовничий, 1999, с. 306–320). После кончины Елизаветы Шувалов не прижился при новом дворе Екатерины; из всех титулов за ним остался только пост куратора Московского университета. Шувалов почёл за благо уехать за границу и наведывался в Россию не часто.

Все эти вельможные соображения обернулись Московскому университету прямой выгодой. Слиш-

ком близко от правительства находиться — слишком много начальников иметь. Университет располагался как нельзя лучше — в столице, но во второй, как бы и в центре, и в отдалении, и начальству не враз добраться, и не так чтобы уж очень далеко от места решения судеб. Кураторство Ивана Ивановича Шувалова очень в этих соображениях пригодились: опальный вельможа был при новом дворе не нужен, но и лезть в его епархию, в его Университет — не дозволялось. За всеми этими перипетиями политических отношений Московский университет мог спокойно развиваться и накапливать “культурный слой” общества — увеличивать потихоньку количество образованных людей, без которых культура в обществе не развивается.

По поводу этого рассуждения можно прояснить ситуацию относительно “первого университета России”. Первым был основан в 1724 г. Петербургский университет, который вместе с гимназией составлял Петербургскую академию наук. Однако дело в Питере не пошло: гимназия за 30 лет не смогла подготовить для университета ни одного студента, да и в самом университете дела шли трудно. Науку делали приглашённые из-за границы академики, а новые отечественные кадры почти не появлялись. После смерти Ломоносова (1765) Петербургский академический университет тихо хирел. А ведь Петербургский университет был совсем столичным — и захирел, поскольку для влиятельного вельможи профессор — это такой слуга особого рода, нечто среднее между брательником и домашним художником. В некотором смысле Петербургский университет погубило столичное расположение: совершенно новое в России дело, самое начало образования русского, имело в Петербурге слишком много распорядителей и начальников. Первый петербургский университет скончался от чрезмерного управления.

В 1819 г. в Петербурге был основан по сути новый университет (стараниями С.С. Уварова), который существует и сейчас. Поэтому хотя хронологически первый в России университет был открыт в Питере, но судьбы образования российского сплелись так, что первым по значимости университетом России стал университет Московский. “Вопреки установившемуся мнению, оправданнее вести историю русской науки именно от 1755 года — от открытия Московского университета с двумя гимназиями при нём” (Хромов, 2002, с. 208). Московский университет оказался счастливее своего питерского собрата, в его деятельности не было перерывов традиции; прирастая год от года кафедрами и факультетами, он в той или иной степени способствовал образованию почти всех современных российских университетов и многих иных научных и культурных заведений. Вопросу о первенстве, однако, во многих публикациях придается чрезмерное внимание; университеты не петухи, и выявлять среди них первого и самого голосистого, может быть, нет оснований.

Московские масоны. Впрочем, и в Московском университете дела поначалу обстояли не весьма гладко. Покровительство Шувалова и провинциальное (но не периферическое) положение давали Университету возможности, но ими надо было воспользоваться. Возможности были предоставлены географическим поло-

жением, социальной нишей, но осуществление возможностей было возложено на людей. Среди ключевых фигур, которые способствовали развитию Московского университета в XVIII веке, особое место занимает Николай Новиков. До начала его деятельности в Москве Московский университет “был чахлым учебным заведением, где около сотни студентов слушали никчемные лекции на латинском и немецком языках” (Биллингтон, 2001, с. 293). В 1770-х гг. делами Университета занялись поэт Херасков и книгоиздатель Новиков. Новиков возглавил университетское издательство и организовал публичную библиотеку, связанную с Университетом. Типография Новикова опубликовала множество книг, а выпускаемая его усилиями университетская газета стала одной из важнейших в России.

За внешними организационными делами Новикова стояли глубокие идейные замыслы. Новиков был возмущён деятельностью петербургского масонства английского образца (“шведская” ветвь), распространявшего поверхностные представления о европейской культуре. Это петербургское масонство можно назвать “пред-западничеством”. Новиков был одним из основателей новой линии масонства, базировавшегося в Москве и ставившего целью прославление русской старины и распространение мистических идей мартинизма (“розенкрейцеровское” масонство). Это новое “высокоградусное” масонство создало ту почву, на которой через десятки лет развилось славянофильство; тем самым истоком славянофильства явилась деятельность Новикова, протекавшая при Московском университете. Отсюда проистекали и особенности развития Университета: например, М.М. Херасков (ритор Провинциальной ложи, член Капитула ордена Злато-розового Креста) был яростным сторонником университетского преподавания на русском языке. Тогда, в 70–80-е гг. XVIII века, впервые возникло в России осознанное просветительство прозападного образца, истекавшее из столичного Петербурга, и осознанное романтическое движение, противодействовавшее западному просвещению и основывающееся в провинциальной Москве, даже точнее — при Университете. Великим Мастером российской “провинции” был в 70-х гг. Иоганн Георг (Иван Егорович) Шварц, профессор Московского университета, который читал блестящие лекции по филологии и философии. Шварц был первым, кто употребил на русском термин “интеллигенция”, причём в его употреблении это исходно латинское понятие приобрело специфически русские черты: интеллигенция есть “высшее состояние человека, как умного существа, свободного от всякой грубой, тленной, телесной материи, бессмертного и неощутительно могущего влиять и действовать на все вещи” (цит. по: Биллингтон, 2001, с. 303; см. Виноградов, 1961). Под влиянием этих идей дворянство в России стало осознавать себя как интеллигентное сословие. Манифест о вольности дворянства, подписанный Петром III, был подготовлен главой российских масонов 1750-х гг. графом Р.Л. Воронцовым.

Целью масонской ложи, в которой состояли Шварц, Новиков и Херасков (именовалась она по-разному, от тайной сциентифической ложи Гармонии до розенкрейцеровской ложи Злато-розового Креста), было возвращение от безбожного вольтерьянства и

вольномудства к истинному христианству и исконным народным ценностям. Распространение знаний имело целью истинное просвещение, то есть христианское воспитание душ, так как “наука без христианства становится злым и смертельным ядом” (цит. по: Биллингтон, 2001, с. 301). Эта проповедь “московского просвещения” в противовес придворному, “петербургскому просвещению” имела большой успех среди русского дворянства; появились жертвователи, снабжавшие средствами издания Новикова, а также деятели, способствовавшие развитию наук и искусств в России. Новиков направлял русское масонство меж Сциллой и Харибдой: меж пустой социальной игрой и оккультными тенденциями, настаивая, что целями движения может быть только чистое христианство и благотворительная деятельность. Учеником Шварца был А.А. Прокопович-Антонский, будущий ректор Университета (Вернадский, 2001, с. 280), среди его слушателей и почитателей был Карамзин (Андреев, 2001, с. 107).

Казалось бы, более естественным было для русской культуры заимствовать в Европе первым делом вещи практические и по хозяйству выгодные. Но капризное русское просвещение вкупе со своим незаконным сыном — романтизмом — устремилось вовсе не к естествознанию и технике, а к религиозной, более того — мистической философии. По-видимому, следует заключить, что культура и просвещение не любят шествовать дорогами, заблаговременно проложенными для них властью, невзирая на принятие ею имени единственного европейца. Помимо капризности можно найти в этом уклонении от государственных дорог и более позитивный смысл. Культура в человеке строится начиная с самых глубоких основ мировоззрения и лишь постепенно, после того как научается отвечать на вопрос “для чего это?”, переходит к вещам более практического склада. Преимущественное усвоение “практических изобретений” привело бы к тому, что в России не появилась бы фундаментальная наука. Тогда российская культура была бы обречена на вечное некритическое заимствование очередных изобретений из Европы. Деятели, стоявшие у основания русской науки, были достаточно развиты и дальновидны, чтобы пожертвовать скоростью первых шагов развития ради качественного выигрыша для культуры в целом. Поэтому в русскую культуру западноевропейское просвещение шло в XVIII веке через религию и политику, в начале XIX века — через преимущественный рост филологии и истории и лишь к концу века — через науки естественного круга.

Однако этот закон жизни — построение культуры от её основ к практическим деталям — вызывал законное недовольство правительства. Ведь гораздо приятнее при контакте с Европой получать мастеров по производству пушек и хороших врачей, а не основателей религиозных сект и политических прожектеров. А когда правительству не нравятся законы мироздания, страдают почему-то всегда люди. Как известно, деятельность Новикова вызвала недовольство Екатерины, и в 1792 г. он был арестован и сослан. Однако Университету уже был дан ход, вокруг него уже собралось много активных людей, всерьёз озабоченных состоянием просвещения в России. Как показала дальнейшая история, “импетус”, приданный Новиковым, оказался достаточен: огромная машина Университета

начала расти и самоорганизовываться, выводя Россию в число держав, владеющих современной наукой.

Роль Московского университета описал А.П. Богданов: “Московский Университет в истории просвещения России делал то же дело, какое делали первые поселенцы в девственных лесах и в диких странах: он подготовлял первоначальные примеры русского университетского преподавания и на его долю, в течение полувека, исключительно приходилось вырабатывать почву для туземного народного производства научного труда. Ему предстояло делать первые попытки замены привозного дорогого товара (почти всегда сфабрикованного не по мере нужд местных и потому составлявшего только роскошь, показную сторону), т.е. выписанных иностранных профессоров и учителей своими собственными деятелями, может быть, не на столько изящными и блестящими, да за то приходившимися по почве и не требовавшими тепличных условий. Первые московские профессора были первыми научными колонизаторами, вносившими учение и свет в область первобытной наивности и почти исключительного господства материальной жизни” (Богданов, 1885а, с. 97).

России суждено было на равных взаимодействовать с европейской цивилизацией, так что ей необходима была научная культура Европы. Более того, если обозначить, что кроме национальных “цивилизаций” есть ещё одна, всемирная цивилизованность, то в Новое время распространялась она, несомненно, из Европы, и важнейшая черта этой цивилизации — устройство науки — была воспроизведена на русской почве в виде Московского университета. При этом известно, что скопировать науку довольно трудно, не всякое общество способно это сделать, и многим даже современным народам остаётся импортировать науку, произведенную в иных местах. При учёте этого обстоятельства деятельность Московского университета приобретает особенные черты: это не трафаретное заимствование, которое происходит в истории ровно столько раз, сколько потребовалось, а сложное творческое дело, которое вот в этом случае удалось, а в других случаях по непонятным причинам пока не получается.

Строение германского университета. Откуда же взяло мнение, что при Университете нужен музей? В этом смысле интересно обратиться к документу 1764 г. Это “Мнение об учреждении и содержании Императорского Университета и Гимназии в Москве”, составленного членами Конференции Московского университета по поручению императрицы Екатерины II. В упомянутом “Мнении...” говорится “о публичных при университете учреждениях...<среди которых> Натуральный кабинет, в котором всякие природные и чужестранные ископаемые вещи, четвероногие животные, птицы, рыбы, раковины и насекомые, или части оных, для изъяснения натуральной истории хранятся, к чему доброе начало уже имеется, которое легко умножено быть может, если её Императорское Величество всемилостивейше повелеть соизволит, чтоб из всех в Российской Империи обретаемых натуральных вещей, которые в Императорский Кабинет присылаются должны, несколько и в университетский Натуральный кабинет отдавано было; к оному потребен и инспектор, который ординарный профессор экономии и

горной науки, и несколько сберегателей из способнейших студентов казенного содержания, которые к сим вещам особливую склонность имеют... На подлинном документе подписали: Иоган Христиан Керштенс, Иоган Иоахим Юлий Рост, Иоган Годфрид Рейхель, Иоган Матфий Шаден, Карл Генрих Лангер, Иоган Фридрих Еразмус и Антон Барсов. Переводил на русский язык с немецкого профессор Антон Барсов" (Слово о Московском университете, 1996, с. 25, 29).

Отсюда видно, что "придумывать" университетский музей никому не было нужды. Любые полдюжины Иоганов, собравшиеся по этому поводу, легко воспроизвели тот набор учреждений и правила управления ими, которые были необходимы для функционирования германского университета. Те же профессора указали, что в составе университета должен быть не только музей, но и аптека, типография, библиотека и т.п. Университет, его структуру, *делали с образца — германского университета*, хотя, конечно, и "в переводе" — для "дюжины Иоганов" нужен был "Антон", чтобы всё это перевести. Проблемы "перевода", несомненно, были, но они успешно разрешались. Например, единственное крупное отличие русских университетов от структуры современных им университетов германских — отсутствие теологического факультета; вызвано это сознательное упущение было тем, что в православии богословские традиции развиты значительно слабее, нежели в протестантизме (не говоря уж об основательных опасениях, как бы на теологическом факультете Московского университета не стала развиваться теологическая традиция Германии, связанная с филологией).

Точно так же, как никто специально не придумывал, что в Университете должен быть музей — это было "очевидно", так же очевидна была необходимость в кафедре натуральной истории. Состав кафедр Университета тоже никто не придумывал: была взята отработанная структура германского университета со всеми полагающимися кафедрами. "Кафедра натуральной истории существовала в Московском университете с самого его основания и была одной из трёх первоначальных кафедр медицинского факультета (прочие две были: одна — химии с применением к химии аптекарской, другая — анатомии в связи с медицинской практикой). Её занял первым И.Х. Керштенс, выписанный в 1758 г. из Лейпцигского университета" (Анучин, 1950, с. 168). Так же почти сразу вслед за основанием Университета начались в нём и курсы по естественным наукам: уже в 1770 г. естественные науки введены в число дисциплин, преподаваемых в Университете (Кулагин, 1940а).

Поэтому для понимания возникновения русского университета и университетского музея надо знать, что такое **германский университет** и какова германская наука. Прежде всего надо отметить, что "германской" наука была не потому, что вся она делалась в Германии. Эта организационная форма науки объединяла Германию, Австрию, Данию, Голландию, Швейцарию — и до некоторой степени Россию, по крайней мере в XIX — начале XX веков.

Сейчас, во время господства англо-американской науки, почти забыт тот период, когда лидировала германская наука. Этот период продолжался более ста лет, по крайней мере с начала XIX века до середины

XX века, и именно в это время наука достигла таких изумительных успехов, что на этой базе, созданной германской наукой, смогли развиваться новые технологии. Это было достигнуто благодаря фундаментальным *разработкам в организационной структуре науки*, которые сейчас, под лозунгом сращения науки и техники, замедлили своё развитие, что и оборачивается всё более явственным научным кризисом.

Однако речь сейчас не об этом, а о развитии германской науки и основы её могущества — германского университета. Его организационные основы были заложены ещё в Средние века: прообразом университета послужил монастырь (Паульсен, 1904). Окончательная шлифовка и закрепление организационной структуры германского университета произошла в 1809 г., когда Вильгельм фон Гумбольдт начал в Пруссии университетскую реформу (ещё более значительное влияние на эту реформу оказал его брат, Александр фон Гумбольдт, пользовавшийся среди учёных-естественников огромным авторитетом). В результате этой реформы и возник университет современного типа (Кожевников, Романовская, 1997).

Первым принципом, на котором были устроены германские университеты, являлся принцип **автономии**. Это значит, что университет подчинён в административном плане государству, но местным властям напрямую не подчиняется. В содержательном плане эта автономия означала, что содержание лекционных курсов и семинарских занятий определялось профессорами университета, а не какими-либо министерствами и ведомствами. Полагалось, что профессор лучше знает, чему учить студентов, нежели чиновник центрального министерства. Профессора и студенты могли свободно переходить из университета в университет, невзирая на разницу курсов и программ — это было внутриуниверситетским делом. Возникла конкуренция за профессорские места между преподавателями: ведь профессоров не чиновники назначали, а университетский совет выбирал, обращая внимание на то, как лекции данного профессора посещаются студентами. В результате появились приват-доценты, экстраординарные профессора и другие должности, которых сейчас, при господствующем государственном управлении наукой, более не существует. Эти несуществующие ныне элементы функциональной организации университета взаимодействовали между собой по иным законам, нежели сейчас приняты. Например, нельзя было подать заявление на ставку профессора — просто не было такой возможности. Совет выбирал профессора и его о том оповещал, а заявлений и связанных с ними необходимости формулировать причины отказа, предпочтения одного кандидата другому — всех этих вещей просто не было.

В первую очередь такой порядок замещения вакантных мест — через приглашение, а не через заявление с последующей резолюцией — важен ещё тем, что это был специфический для сферы культуры механизм воспроизводства кадров. В сфере власти и права действует совсем другой механизм — назначения, приказа. Поэтому и появляется форма заявления — некий человек напоминает власти о своём существовании и просит распорядиться им. В ответ на заявление в случае положительного решения вопроса следует приказ — назначить такого-то профессором, доцен-

том и т.д. В сфере культуры сформировался совсем иной механизм. Здесь авторитетные, знающие люди, работающие в данной области знания, приглашают кого-либо, если считают его ценным специалистом. После чего приглашённый принимает решение — принять или отвергнуть данное предложение. Отсюда возникает существенная разница в написании биографий: иногда говорится о человеке как о действующем активном субъекте — “такой-то перешёл в Н-ский университет”, “организовал кафедру” и т.д. Иной стандарт — “переведён на новое место работы”, “зачислен на кафедру”. Первый стандарт описывает культурную ситуацию, второй — ситуацию, когда культурой распоряжаются из государственной сферы. Германский университет был выстроен как учреждение сферы культуры и имел в связи с этим множество характерных отличий, специфичных для таких организаций. Постепенно на протяжении XIX–XX веков государство подчинило сферу культуры, и в ней был принят иной, государственный, стандарт комплекции кадров. С этой точки зрения историю Московского университета за последние столетия можно прочесть как историю дезорганизации учреждения сферы культуры и перерождения университета в иное учреждение, действующее по иным законам, которые определяются государством, как историю превращения университета из организации культуры в государственное предприятие, “кузницу кадров”.

При этом важно отметить, что сами деятели науки и культуры не понимали происходящего и потому не только не протестовали, но, напротив, настаивали на огосударствлении этой сферы. Так, один из наиболее ярко мыслящих и образованных биологов начала века Н.К. Кольцов высказался об описанном выше “приглашении” к работе вместо “заявления” следующим образом: “Так как фактом оставления или неоставления при университете очень часто определяется вся будущая карьера молодого человека, возникает вопрос: кто производит выбор среди окончивших курс, и на кого этот выбор падает?”

“Казалось бы вполне естественным, если бы студенты, оканчивающие курс, любящие науку и надеющиеся на свои силы, сами обращались в факультет или к отдельным профессорам с просьбой об оставлении, представляя те или иные доказательства своих способностей. Однако, такой естественный порядок имеет место лишь в редких исключительных случаях, и большинству профессоров покажется недопустимым, чтобы инициатива в этом деле была предоставлена самим студентам. Право выбора оставляемого считается неотъемлемой прерогативой профессора. Предполагается, что только профессор знает своих учеников, что только он может выбрать достойного...” (Кольцов, 1910, с. 7). В 1910 г. Кольцов (и большинство других приват-доцентов) уже не понимал (не помнил), откуда взялось такое положение дел и чему оно служит. Причина этого беспамятства — идущее к тому времени уже полтораста лет перерождение и огосударствление университета.

Второй принцип строения германского университета — превалирование **общего** образования над специальным при том, однако, условия, что естественные науки входили в основу общего образования. Этим пунктом, в частности, германский университет отличался

от высших учебных заведений английского (колледж) и французского (высшая нормальная школа) образца: во Франции преобладало специально-научное, техническое развитие высшей школы, а в Англии — общее, гуманитарное образование, необходимое для подготовки политической элиты. Программные заявления, “манифесты” разных типов университетов были опубликованы такими видными деятелями культуры, как Герман Гельмгольц и кардинал Джон Ньюмен (Гельмгольц, 2003; Ньюмен, 2003). Об организационных особенностях английского университета (система колледжей, тьюторинг, унифицирующие программы образования и т.д.) можно прочитать в работе В. Шестакова (Шестаков, 2004).

Как известно, в Средние века университет членился на четыре факультета. Философский факультет был чем-то вроде 1-го курса (хотя обучение на нём могло длиться несколько лет), где студенты получали общие основы образования. Кроме философского, существовали теологический, юридический и медицинский факультеты, которые давали более специальную подготовку. Реформа Гумбольдта состояла, в частности, в том, что философский факультет был уравнен в правах с остальными; при этом он, конечно, оказался самым крупным факультетом (поскольку его проходили все будущие медики, юристы и теологи). Тем самым общее образование, общенаучная подготовка оказалась специфической чертой данного типа университетского образования. В определенной степени это был возврат к идеалам позднеантичного “общего образования”, “общей культуры”, — возврат вполне сознательный, поскольку университетская реформа проходила под влиянием гуманистических идеалов.

Далее, всё устройство университета было **отделено** от системы **государственных должностей**. Профессура выбирала себе руководителя, вакансии заполнялись в соответствии с решениями совета профессоров. Государственные экзамены на чиновничьи должности были отделены от университетских экзаменов на степень. То есть, грубо говоря, распределение и университетский выпускной экзамен были двумя совершенно разными вещами. При таком устройстве университета сфера культуры в обществе была в значительной степени автономна от сферы государственного-правовой. Поэтому университеты преобразовывались в места народного образования и центры научной работы, вместо того чтобы быть “кузницей кадров” для государственной службы.

Наконец, важнейшим был **“исследовательский императив”** — большее внимание к научной работе профессора, чем к его чисто преподавательским заслугам. Осуществлялось это очень просто — при устройстве на вакантную должность главным критерием были научные работы претендента; на основании этих научных трудов Совет профессоров университета принимал решение и рекомендовал министерству образования данного кандидата, и министерство в подавляющем числе случаев утверждало рекомендацию Совета университета. Так возникла ситуация, когда профессор университета стал прежде всего учёным, и лишь затем лектором. Считалось, что для воспитания и образования учёных важнее, чтобы ими руководили мастера своего дела, крупные учёные, пусть даже не имеющие педагогических талантов.

Дальнейшая эволюция этой германской науки привела к тем реалиям жизни, которые мы сегодня полагаем естественными: профессора, которые являются учеными, научные работники университета, которые вообще не несут педагогической нагрузки, появление специализированных научных институтов, которые не занимаются преподаванием и обучением, а только ведут научную работу. Научно-исследовательские институты были “выдуманы” в Германии именно в рамках “исследовательского императива”: было установлено, что учёный может получать у государства деньги даже в том случае, если он не участвует в образовательной деятельности, а занимается только наукой. Одним из первых в мире учреждений такого профиля — не преподавательских, не образовательных, а чисто-научных, было Общество кайзера Вильгельма, которое создало большую сеть исследовательских институтов в самых разных областях фундаментальной науки.

При этом, однако, центрами научной жизни оставались университеты, связанные с воспроизводством научных кадров, а институты были специализированными научными учреждениями и в них работало сравнительно малое число научных работников. Институты были в определенной степени производными университета, как и академии. Вся система германской науки — научные общества, система научных журналов, которая теперь погибла, институты и академии (многочисленные) — вся эта организационная структура воспроизводилась благодаря университету, чувствовала свою зависимость от университетского образования и по численности была много меньше совокупного числа университетских учёных. В России, в ту пору копировавшей германские учреждения, указом Петра в 1724 г. была создана Академия наук, состоящая из университета и подготовительной к нему гимназии. Лишь спустя большое время академия стала пониматься как нечто, не имеющее отношения к университету и образованию. Именно по причине заимствования германского образца устройства науки возникла та ситуация, что в XIX веке Академия наук в России имела намного меньшее влияние на развитие науки, чем университеты. Эта ситуация начала меняться в первой трети XX века, а сейчас университетская наука составляет, по очень приблизительным оценкам, около трети всей отечественной науки, что является очевидным свидетельством неблагополучия в этой сфере. Научные исследования не могут плодотворно развиваться в отрыве от производства научных кадров; университеты поставляют специализированным научным учреждениям кадры, и когда во главу угла ставятся эти специализированные заведения, наука начинает терять почву. Успешно развиваться она может, пока не исчерпан “запас”, накопленный университетской наукой, затем постепенно начинается спад. То есть нормальной является ситуация, когда в центре научной жизни стоит университет, единственная *самовозобновляющаяся* научная организация.

Истинное соотношение университетской и не-университетской (академической) науки не было ясным даже тем крупным учёным и общественным деятелям, которые воспитывались университетом и были связаны с ним многие годы. Так, зародышем системы научно-исследовательских институтов в России было “Леден-

цовское общество” (в его Совет входили М.А. Мензбир, А.Н. Северцов, Н.К. Кольцов, В.И. Вернадский и многие другие крупные учёные). Х.С. Леденцов, благороднейший человек и крупный меценат, хотел организовать научное учреждение, внедряющее достижения науки в практику. После долгих бюрократических проволочек — и после смерти самого Христофора Леденцова (1842–1907) — из этого начинания вырос Институт биофизики и физики под руководством П.П. Лазарева, впоследствии — ФИАН, Институт микробиологии и Институт экспериментальной биологии Н.К. Кольцова. Такие специализированные научные учреждения с 1920-х гг. (и особенно — после 1930-го) получили в России чрезвычайное распространение и едва не “съели” университетскую науку, что подтверждает история НИИ Зоологии, НИИ Ботаники и многих других институтов, подменявших собою кафедры Университета. Институты этого круга, выделенные из Университета, прекратили свое существование и влились обратно в Университет только в 1950-х гг., но к этому времени было организовано множество других специализированных научных учреждений, институтов АН и иных, так что советская наука в целом перестала быть университетской. Этот дефект организации научного знания не осознан и до сих пор — напротив, академическая наука считается передовой формой организации науки (Крыжановский, 1974).

Выше говорилось, что окончательное оформление структуры германского университета произошло в 1809 г., в связи с реформой В. Гумбольдта. Но “скопированный” с германского Московский университет был основан значительно раньше! Однако ясно, что реформа Вильгельма Гумбольдта и создание им “классического германского университета” была лишь завершением длинного пути развития университета, и в основных своих чертах смысл этой реформы был ясен задолго до 1809 г. Смысл деяния Гумбольдта, как и всякого организационного деяния, не в “придумывании”, а в воплощении — в данных исторических условиях, с данным правительством. Отсюда понятно, почему многие основные положения реформы Гумбольдта были осуществлены при создании Московского университета — за полвека до самой гумбольдтовской реформы.

Российский университет был скопирован очень точно с германского образца, но без деревянного аэродрома не обошлось. Есть такая история — во время Второй мировой войны жителям одного из островов Тихого океана очень понравилось, что на их территории расположился американский аэродром. У лётчиков водилась монета, всякие вкусные и интересные вещи, можно было меняться и торговать... Но война кончилась, аэродром был разобран, разрушен, лётчики улетели. И тогда мудрые вожди нашли выход: они заставили своих воинов построить манок — деревянный аэродром. Постройка была чудесная, всё в натуральную величину: взлётная полоса, ангары, домики, даже прутки радиостанции около метеобудки. Точная копия, но только из дерева. Вожди племени надеялись, что лётчики клюнут и вернутся на аэродром, столь похожий на настоящий. С российским университетом была та же история. Выше говорилось о первом принципе устройства университета, о его автономности. Университет есть свободный культурный организм, который

самоуправляется, самовосстанавливается, самовоспроизводится. И для этой цели в германском университете были введена особая фигура — «приват-доцент».

Приват-доцент читает те же курсы, что и штатный профессор, но бесплатно или за значительно меньшую плату. Студент германского университета (напоминаю, что в данном случае это название типа университета, а не указание на географическую или политическую принадлежность) может свободно выбирать, чей курс ему слушать. В результате приват-доцент и профессор находятся в отношениях конкуренции. Если большинство студентов переходит слушать более интересный и познавательный курс приват-доцента, ставка профессора переходит к нему. Институт доцентуры — одно из изобретений свободной культурной жизни, он имеет смысл только в условиях свободного существования университета. Если университет управляется государством — от штатного расписания до учебного плана — то смысла в доцентуре нет. Любой преподаватель обязан читать лекции по единому утвержденному плану, давать одни и те же задания студентам, и назначается этот преподаватель не по успешности лекций, а совсем по иным признакам, ведомым чиновникам, управляющим университетом. Доцентура есть механизм самоуправления и самоорганизации свободного учреждения культуры — вольного (германского) университета. Любой форме государственного управления культурой эта форма научно-преподавательского состава не нужна, более того — она является помехой.

В российском университете по германскому образцу воссоздали всё, вплоть до типографии, аптеки для университетских надобностей, Зоомузея, кузни, — а вот самое важное, отделенность университета от государства, воспроизвели с купюрами. О конкуренции между ординарным профессором и приват-доцентом речи не было. Тем самым приват-доцент в русском университете — это пруттик той деревянной радиостанции на деревянном аэродроме, очень похожий, только не функционирующий.

Вот что такое приват-доцент в 1900-х гг. в России по свидетельству одного из приват-доцентов: «Право на звание приват-доцента приобретает у нас следующим образом. Лицо, выдержавшее магистерский экзамен, должно прочесть в публичном заседании факультета две часовых лекции. Если факультет признает эти лекции удовлетворительными, то представляет кандидата на утверждение попечителя учебного округа. Формально утверждает приват-доцента попечитель, он же может и лишить его этого звания» (Кольцов, 1910, с. 37). Должность приват-доцента до революции была, однако функционировала она не совсем так, как в германском университете. Это был уже почти чин, почти просто «звание», как в лестнице чинов. «Академическая профессия не есть свободная профессия: профессор — правительственный чиновник, а оставленный, лаборант и отчасти приват-доцент — подчинённые этого чиновника» (Кольцов, 1910, с. 89).

Это «упущение доцента» в русском университете может показаться неважным — ведь всё равно университет в России имеет славную историю, так, может, всё эти выборные должности — лишнее украшение? Увы, сравнивать в таких случаях трудно. Жизнь у каждого человека, страны, учреждения одна, и труд-

но сказать, можно ли её сделать лучше, не попробовав. Университет у нас жил под государственным присмотром, лишь изредка добираясь до поверхности и вдыхая воздух свободы и автономии. И совершил много славных дел. И загубил много славных людей. Может, если бы он был всё время свободен, славных дел было бы больше, а загубленных судеб — меньше?

Собирание коллекций и первые профессора.

Итак, в начале своего возникновения русская наука была ещё частью германской науки и брала у неё свои организационные формы. В рамках германско-русской науки возник Московский университет, и всё дальнейшее развитие русской науки вплоть до 1917 г. шло в русле «германской науки». Поэтому так легко возникали в Московском университете формы, в которые должна была отлиться структура научных исследований, поэтому в Университете «всегда знали», что нужен Натуральный кабинет, и как только обстоятельства позволили — он сразу же был основан, а коллекции для него копились уже десятилетия, сохраняясь при кафедре натуральной истории.

По этому поводу заметим: в сообщении профессоров Университета, цитированном выше, где они рекомендуют устроить Кабинет натуральной истории, говорится, что для Натурального кабинета «доброе начало уже имеется», то есть коллекции при Московском университете были уже в 1764 г. Отсюда ясно, что дата основания Зоомузея МГУ довольно условная, и до 1785 г. (или 1791 г.), которые традиционно считаются датой основания музея (в разных публикациях), можно говорить о существовании в тех или иных формах организационных структур, предшествующих музею. По «западным» меркам возникновение Зоомузея было вполне своевременным, и прикладывание к российской истории «западной шкалы» убеждает в этом: например, Британский музей естественной истории был открыт в Лондоне в 1753 г.

Точно так же, как упомянутые Иоганы легко предусмотрели при Университете тысячу необходимых мелочей, так же легко в правила обхождения с этим заграничным зверем — университетом — была введена автономия, независимость университета и его профессоров, а частично и студентов, от властей местного значения. Университет копировался с германского образца, в котором чуть не тысяча лет университетской истории вымела всё лишнее и оставила необходимое, и Иоганы знали, что университет живёт, если у него есть автономия, а без неё он не то чтобы совсемдохнет, но получает хвост крючком, пегую окраску и визгливый голос, от чего упасти данное заведение можно, прикормив его доброй долей свобод и вольностей. Дальнейшее российское произрастание университета показало, что немцы были абсолютно правы. Когда университету (раза три за его историю) давали эти самые свободы, происходило процветание наук и просвещение народа, а когда полагали это ненужными и хлопотными кундштуками и свободы отбирали в употребление властей предрержащих, так число добрых дел, совершаемых в университете, заметно падало.

Итак, ясно, как появились в Университете кафедра натуральной истории и Кабинет натуральной истории (т.е. Зоомузей). Теперь следует сказать, откуда были взяты **коллекции** для музея.

Собственно истории музея предшествует предыстория собирания коллекций, которые легли в основу музея. Хотя история Кабинета натуральной истории при Московском Императорском университете началась в самом конце XVIII века, ранее уже имелись некоторые собрания. Например, в 1755 г. Н.А. Демидов передал в дар Университету коллекцию минералов (собрание проф. И.Ф. Генкеля). Как в самом XVIII веке, так и позже, до 1804 г., никаких значительных перемен не происходило: в Университет поступали коллекции диковин и редкостей от людей знатных и богатых. До 1804 г. коллекции собирались по образцу Кунсткамеры Петра, предметы естественнонаучного значения хранились вместе с монетами, минералами, произведениями искусства. Этот период можно охарактеризовать как “музей XVIII века”, “музей редкостей”. Насколько мы знаем, начало музею было положено несколькими собраниями.

В 1759 г. коллекция Демидовых — уже не только минералы — была передана в Минералогический кабинет Московского университета. В коллекции этой были представлены различные группы животных. В 1789 г. П.А. Демидов передал Университету свой гербарий. Затем, по одним данным — в 1770-е, по другим — в 1797 г., поступила коллекция рыб и земноводных Александра Сергеевича Строганова. Строганов (президент Академии художеств) был страстный коллекционер, он собирал монеты, камни, медали, картины, книги — и редкие естественнонаучные материалы. Всё это было передано в Университет.

Профессор кафедры естественной истории в то время автоматически был заведующим Кабинетом естественной истории, то есть, говоря современным языком, директором музея. До того как Кабинет натуральной истории получил официальное основание, профессор кафедры обязан был следить за сохранностью коллекций. Позже это было зафиксировано: согласно Уставу 1804 г. “по параграфу 85 Устава Университета кабинет натуральной истории, или музей, должен был состоять в ведении профессора натуральной истории” (Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, т. 2, с. 283; цит. по: Богданов, 1885а, с. 15). Поэтому историю музея в этот период можно проследить по послужному списку профессоров кафедры.

Профессор кафедры натуральной истории И.Х. Керштенс в 1770 г. уехал на родину, и вместо него кафедру занял М.И. Афонин, преподававший до 1797 г. Окончив Университет, Афонин отправился за границу и стал учеником Линнея, у которого слушал ботанику и зоологию. Затем Афонин вернулся в Университет, занимался зоологией, ботаникой, минералогией, читал земледелие, изучал скотоводство. Одна из его работ — “Слово о пользе чернозёма” /1820/. Через некоторое время Афонин оставил преподавание и уехал на юг России. В 1788 г., примерно ко времени окончания работ Афонина в Университете, умер Карл Линней. Об этой дате тем более уместно вспомнить, что она даёт веху нашей памяти: европейская зоология ещё не знала биномиальной системы названий животных, ещё в зоологии не произошло того решительного поворота, который связан с именем Линнея — и именно тогда основывалась русская зоологическая школа.

Профессора натуральной истории, следующие за Афониним, были, по современной классификации наук, медиками. В 1784–1809 гг. профессором натуральной истории в Московском университете состоял Федор Политковский, выпускник Черниговской семинарии, закончивший потом Московский университет. По окончании курса он был послан в Лейденский университет, в Голландию. Там в 1781 г. получил степень доктора за работу “О происхождении гноя в человеческом теле”. Из Голландии поехал в Париж, в 1784 г. вернулся в Москву. Преподавание натуральной истории Политковский едва ли не первым в Московском университете начал на русском языке. Карамзин писал о лекциях Политковского: “Г-н Политковский, следуя Линнеевской системе, проходит царства природы, применяет учёные слова и наименования, ещё новые в языке русском, и замечая всё достойное удивления как в общем плане творения, так и особенных существах, старается возбудить в слушателях любовь к великой науке природы!”. “Свои публичные лекции проф. Политковский дополнял демонстрациями в натуральном кабинете /Семятичевском — Г.Л./, который был известен тогда всей Европе. Кабинет раньше принадлежал княгине Яблоновской, а в рассматриваемое время был передан Московскому университету” (Кулагин, 1940а, с. 22). В других работах указывается, что упомянутый Семятичевский кабинет передан Московскому университету в 1802 г., значит, Кулагин рассказывает о лекциях Политковского, которые проходили в 1802–1803 гг. По инициативе Политковского в 1791 г. на основе коллекций Минералогического кабинета при Университете был создан Кабинет натуральной истории.

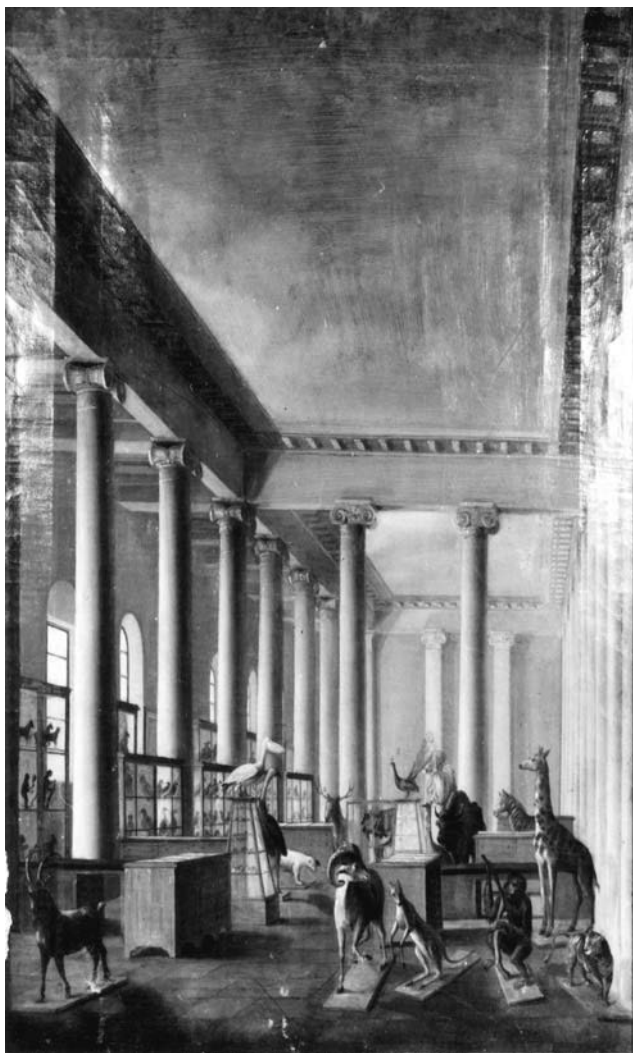
Кроме коллекций и профессоров, музею и кафедре нужно помещение. В 1786 г. началось **строительство здания Университета на Моховой**. В 1791 г. строительство продвинулось настолько, что в левой галерее здания стал обустраиваться музей: Кабинет натуральной истории занимал 7 комнат в левой половине бельэтажа главного здания Московского университета (теперь там расположен Антропологический музей). Зоомузей обустроился в здании на Моховой, когда профессором натуральной истории был А.А. Антонский-Прокопович. Выпускник Киевской духовной академии, Антонский в 1782 г. поступил в Московский университет, а в 1787 г. занял кафедру натуральной истории — сразу после окончания Университета, будучи адъюнктом. Уже в 1794 г. он — ординарный профессор, а далее его ждёт пост ректора Московского университета. “Следует отметить, что при своем преподавании Антонский применял демонстрации соответствующих объектов; бывший тогда при кафедре Кабинет натуральной истории он поставил образцово” (Кулагин, 1940а, с. 22).

Итак, основание музея состоялось: у него были помещения, коллекции и штат.

Этап 2. Музей диковин естественной истории и ученые-путешественники

1791–1804 гг. От основания музея до Фишера фон Вальдгейма

История — не календарь, и её “века” несколько отличаются от обычного летоисчисления. Так, XX век был “коротким”, начавшись в 1917 г. и завершившись

Большой зал Зоомузея в XVIII веке. Архив Зоомузея МГУ.

примерно в 1993 г. А XIX век начался с Великой Французской революции, в 1789 г.: 1797–1815 — период наполеоновских войн. Так что XIX век во Франции начался за 11 лет до календарного конца XVIII века. Рухнула одна из старейших европейских монархий. А с другой стороны Европы, напротив, только поднималась обновленная Петром династия. В 1797 г. Павел I принял закон о престолонаследии, устанавливающий регулярную форму наследования в русской монархии. Этот закон дал основания совершать смену монарха без дворцовой революции. Павлу это не помогло, но постепенно русская политическая жизнь стала заметно остойчивее. В это время появляются многие государственные службы, столь ныне привычные, что жизнь без них кажется невероятной. В 1792 г. впервые в русском литературном языке появляется слово “жандарм” — в составе гатчинских войск Павла Петровича была учреждена конная команда, называвшаяся в официальных актах то кирасирским, то жандармским полком (Лемке, 1909, с. 7). Деятельный век, начавшийся в 1789 г., докатился до России только в 1812 г.: времени тоже нужно какое-то время, чтобы добраться из Франции в Россию.

Перед самым окончанием XVIII века умер И.И. Шувалов, который до последнего дня был куратором Московского университета. Это печальное событие знаменовало новый этап в жизни Университета и музея: кончилось детское время, Университет окреп и стал восприниматься властями не как личная вотчина вельможи, а как одно из государственных учреждений в ряду прочих — со всеми вытекающими. В 1803 г. упраздняется кураторство над Университетом личного представителя высшей власти. Университет передаётся под управление Министерства народного просвещения. Одновременно, по Уставу 1803 г. (проект Карамзина), Университету предоставляется широкая автономия.

А для Зоологического музея всё ещё продолжался век XVIII. Формальное основание музея ничего не изменило. Ничего знаменательного в связи с открытием музея не произошло, должно быть, потому, что он уже существовал к моменту своего “основания”, и воспринималось это всеми как должное. Вот что писал профессор Щуровский: “По открытии Университета в Москве поступили в оный от разных любителей просвещения подарки книгами и разными предметами естественной истории. Таким образом начали составляться библиотека и музей. Когда средняя часть главного здания Университета была отстроена (в 1791 году), тогда библиотека была помещена в правой галерее подле большой аудитории, а музей в левой” (цит. по: Богданов, 1885а, с. 14).

В это время коллекции собирались как “дикины”, о научной постановке коллекционных материалов ещё трудно говорить. Падкий на механические чудеса XVIII век в России ознаменован появлением Кунсткамеры (1719). Вот по этому образцу и структурировались собрания редкостей, древностей и дикинок, которые могли привлечь любопытный взгляд. Коллекции собирались и хранились любителями, и занимались ими также любители таких редкостей. Любительская наука имеет очень глубокие корни, и вплоть до последней трети XIX века многие области научной деятельности оставались любительскими, непрофессиональными. Тогда это ещё не означало плохого качества разработки научной области. Профессионализация научной деятельности идёт постепенно, и основная роль в этом принадлежит германской науке, которая вырастила тип специалиста, учёного, занимающегося только научной темой и зарабатывающего на жизнь исключительно наукой. При всех недостатках “штатной” науки эффективность научных исследований при этом возросла во много раз.

Объемы коллекций музея с годами возрастали. В 1802 г. Семятичевский кабинет натуральной истории, принадлежавший князьям Яблоновским, куплен Александром I (за 50000 голландских гульденов) и передан Университету. Кабинет перевезен в Москву из села Семятичи близ Барановичей. С этим кабинетом прибыл в музей первый специалист-препаратор Ришар (Туров, Дементьев, 1940, с. 176). “Очевидно, кто-то сильно обманул казну при этой сделке: когда на 10–12 огромных четверокопных “бригах” коллекции прибыли в Москву, то оказалось, что они находятся в самом плачевном состоянии, — всё было испорчено, переломано” (Плавильщиков, 1941, с. 250; Московский университет в воспоминаниях современников,

1956; Московский университет в воспоминаниях современников, 1755–1917, 1989).

Кроме собраний редкостей, передаваемых в университетский музей вельможами и богатыми купцами, поступали также коллекции учёных-путешественников XVIII века. Это были совсем особого склада учёные, ныне не встречающиеся. К учёным-путешественникам относятся Паллас, Лепёхин, Гмелин, Гюльденшtedт, Фальк, Георги, Эшшольц, Лангсдорф и многие другие. В коллекциях московского музея содержатся в основном сборы двух учёных этого ряда — Лангсдорфа и Эшшольца. Замечательным отличием от современных учёных является их энциклопедизм. Лангсдорф описывает и публикует работы по зоологии и ботанике, минералогии и метеорологии, этнографии и антропологии, истории, экономике, географии и ещё десятку более частных дисциплин.

При прочтении этих работ становится ясным, чем такой энциклопедизм обеспечивался. Во-первых, научная литература того времени была ещё настолько невелика, что при должной усидчивости один человек мог владеть всем объёмом научных знаний. Во-вторых, все эти работы выполнены одним методом — описательным. Исследователь знает, что уже описано в мировой научной литературе, и всякое новое наблюдение сообщает в печати. Понятно, что в такой ситуации можно одинаково легко описывать явления погоды, свечение моря, новые виды животных, новые типы украшений и орудий местных жителей, особенности добычи полезных ископаемых в некоей стране и т.д. Учёные, работавшие в таком стиле, кроме энциклопедичности образования, имели и другую характерную особенность: они очень много публиковались. Описательные работы не требуют каких-либо дополнительных исследований; учёный оформляет страницы своего полевого дневника, а затем публикует сотни многостраничных печатных работ.

В этих описаниях находилось место всему — обычаям стран и народов и цвету морской воды, таблицам температуры и описаниям новых насекомых, геологическим и экономическим штудиям. Учёный XVIII века описывал всё, что видел, и деятельность его трудно соотнести с какой-либо областью современного подразделения наук. Эти учёные имели энциклопедическое образование, знали почти все опубликованные работы по десятку научных областей — и сами создавали целые библиотеки. Это универсальное образование и энциклопедичность, всеохватность работ обеспечивались стандартом науки восемнадцатого века. Все, что требовалось, так это точное, ясное описание явлений. Этот научный стиль зародился ещё в самом начале Нового времени, в эпоху Великих географических открытий, и в XVIII веке находился в расцвете. Близкий девятнадцатый век характеризовался уже совсем иным типом учёного и иными способами его работы.

Как уже говорилось, “восемнадцатый век” в науке — вовсе не календарный срок и отнюдь не совпадает с хронологическими рамками этого столетия. В реальном XVIII веке почти вся наука отличалась подобными чертами, да и потом, хотя всё реже, встречаются “энциклопедисты восемнадцатого века”. Так, одним из последних русских учёных такого стиля был Л.С. Берг. Возможность подобной работы исчезает при росте числа научных публикаций, специали-

зации наук и появлении всё большего количества экспериментальных и сравнительных исследований. Берг ещё мог быть энциклопедистом, поскольку ихтиология ко времени его деятельности была очень слабо развита. Но учёные в других областях знания уже не могли работать таким способом. Так, при изучении научного наследия С.А. Бутурлина становится достаточно очевидным, что по темпераменту и манере работы это такой же учёный-путешественник и описатель природы, какие встречались в XVIII веке. Но орнитология начала XX века совсем не похожа на ихтиологию, и при всей широте научных интересов Бутурлин типичным “энциклопедистом” всё же не является. “Последний энциклопедист” Л.С. Берг не только работал в “описательном” стиле XVIII века, но и написал целое сочинение по методологии науки (Берг, 1922в), где он всю науку рассматривает как область познания, занимающуюся описанием и классификацией явлений.

Такой способ работы и жизни накладывал определенный отпечаток на судьбу учёного-путешественника. Жизнь этих людей значительно отличалась от современного “стандарта”. Например, это были люди очень подвижные, лишь в старости они пытались обзавестись домом и семьёй, “осесть”. Например, Г. Лангсдорф родился в Германии. Окончив университет, отправился в Испанию, где работал врачом. Едва узнав о готовящемся кругосветном путешествии русских судов под началом Крузенштерна, решил присоединиться к нему. Бросив медицинскую карьеру, Лангсдорф добился места в экспедиции Крузенштерна — без жалованья, на свой страх и риск. Прошёл вместе с экспедицией Атлантический и Тихий океаны, очутился в Сибири, путешествовал по Аляске, был с русским посольством в Японии, пересёк всю Россию и добрался до Москвы — и отсюда отправился в Бразилию, где у него впервые — к 40 годам — появился собственный дом.

Сходная судьба была у многих людей того времени. Лет до 40 учёный путешествовал, менял страны и города, университеты и должности, и лишь во второй половине жизни начинал обрабатывать результаты. Как отличается от сегодняшнего этот учёный XVIII века — не привязанный ни к какой организации и стране (впрочем, времена возвращаются...). Иным было и отношение общества к учёному. Добравшись до Москвы, Лангсдорф получил от императора возмещение всех своих убытков за многие годы путешествия. И другие путешественники также обыкновенно находили по возвращении из странствий сочувственное отношение владетельных особ и попечителей университетов, что выражалось в значительных денежных подарках и выгодных должностях, так что учёный, проведя полвека в путешествиях, мог заниматься остаток жизни спокойным описанием собранных материалов.

Итак, музей пополнялся коллекциями аристократов, промышленников и учёных-путешественников, а хранили эти коллекции в музее профессора Университета, которые в основном читали лекции и произносили парадные речи, но наукой в современном смысле почти не занимались. В 1803–1804 гг. заканчивается XVIII век в истории Зоомузея и Университета. Для Университета самым важным событием стал переход его в государственное управление, под юрисдикцию